

Онтология языка и культуры в «Философии имени» А. Ф. Лосева

Олег Юрьевич Астахов¹, Оксана Владимировна Ртищева²

^{1,2} Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Россия

¹ astahov_oleg@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2764-7686>

² ortishheva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2861-471X>

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью рассмотрения взаимообусловленного развития языка и культуры, что способствует расширению проблемного поля гуманитарного знания. Поэтому внимание акцентируется на анализе работы А. Ф. Лосева «Философия имени» (1927), для которой характерна открытость и особая полифония, требующая согласования позиции автора с различными философскими течениями, связанными с пониманием онтологической проблематики языка

и культуры. Цель статьи — рассмотреть специфику исследований онтологических характеристик языка сквозь призму его представленности в культуре, обращаясь к анализу концептуальных построений А. Ф. Лосева. Задачи: обозначить до-предметную структуру имени как мифологему, которая по логике А. Ф. Лосева обуславливает движение от внутреннего смысла к её внешним проявлениям; охарактеризовать встречное движение, которое, по мнению философа, реализуется в слове, выражающем полноту индивидуальных и культурных смыслов. Результат исследования связан с обозначением общей логики построения выводов А. Ф. Лосева. С одной стороны, определяется необходимость восхождения к Абсолюту в понимании имени, с другой стороны, отмечается значимость нисхождения к слову с учётом его подвижного жизненного содержания. Способом интеграции этих направлений развития языка для исследователя становится миф, который представляется как живая действительность, реальное явление сущего, закреплённое в имени. Выводы исследования обозначаются обращением к онтологическому всеединству, которое позволяет А. Ф. Лосеву интегрировать представления о человеке и мире, установить связь бытия и мышления в контексте всеобщих отношений, целостность которых реализуется в живом пространстве культуры.

Ключевые слова: онтология языка, имя, слово, миф, символ, культура, всеединство

Для цитирования: Астахов О. Ю. Ртищева О. В. Онтология языка и культуры в «Философии имени» А. Ф. Лосева // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 1. — С. 156–165. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-156-165>

Ontology of Language and Culture in *Philosophy of Name* by A. F. Losev

Oleg Yu. Astakhov¹, Oksana V. Rtishcheva²

^{1,2} Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russia

¹ astahov_oleg@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2764-7686>

² ortishheva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2861-471X>

Abstract. The relevance of the study is due to the necessity to analyze mutual determination of the development of language and culture so as to expand the problematic field of humanities. Thus, the article is focused on Alexei Losev's book *Philosophy of Name* (1927) characterized with a kind of polyphony that calls for bridging the author's position with a variety of philosophical trends dealing with the ontological problems of language and culture. The article's authors set the goal of examining the specifics of studies on ontological characteristics of language through the prism of its cultural representation, analysing Losev's conceptual framework. In this regard the authors set the following tasks: firstly, to determine the pre-object structure of the name as a mythologeme, by highlighting the primary status of the advancement from the internal sense, related to the existential foundations of life, to its external representations; secondly, to analyze the reverse motion from essence to its appearances as realized in the word expressing the fullness of individual and cultural meanings. In accordance with the set tasks, the results of the study follow the general logic of Losev's conceptualizations. The dialectic of Losev's reasoning combines the appraisal of the ascent to the Absolute in understanding the name, on the one hand, with the significance of the descent to the word with its agile lively content, on the other. Losev integrates these two trends in language development through myth, which he sees as a living reality—an actual manifestation of essence fixed in a name. The conclusions are indicated by appealing to the ontological Pan-Unity allowing Losev to integrate the ideas of man and the world, to connect reality to thought in the context of universal relations the wholeness of which becomes real in the living space of culture.

Keywords: ontology of language, name, word, myth, symbol, culture, Pan-Unity

For citation: Astakhov, O. Yu., Rtishcheva, O. V. (2025) 'Ontology of Language and Culture in *Philosophy of Name* by A. F. Losev', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(1), pp. 156–165. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-156-165>

Введение

Вопросы, связанные с изучением тенденций взаимообусловленного развития языка и культуры, занимают особое место в русской философской мысли начала XX в., что во многом связано с постановкой онтологической проблематики культуры в религиозной философии рубежа веков с обращением к интуитивно-мистическому принципу

познания в традициях неоплатонизма. Обращение к онтологии умопостигаемой действительности сущего в контексте отношения к культурным смыслам, как справедливо отмечает М. В. Силантьева, «выводит философское знание к вопросу о ценностях и оценке; та или иная религиозная онтология (или онтология религиозного) задаёт сопряжённую с ней религиозную аксиологию» [Силантьева, 2020: 180]. В этом отношении значимым является обращение

к особой онтологии, представленной в языковой концепции А. Ф. Лосева, которая была изложена в его работе «Философия имени» (1927), отличающейся глубиной и неповторимостью развития идей онтологии языка, требующих особой рефлексии, сопряжённой с пониманием неоплатонизма в контексте религиозной аксиологии.

Современные исследователи отмечают сложность прочтения работы в связи с тем, что в ней по-особому проявляется авторский дискурс. Так, в частности, Г. Н. Манаенко, отмечая, что работа относится к числу лучших творений философской мысли, пишет: «Однако при этом современный читатель испытывает довольно часто значительные трудности при восприятии и осмыслении проблематики данного философского трактата, опосредованные не только сверхтерминологизированностью его текста и сверхсложностью теоретических построений, но прежде всего утратой научной традиции, исследовательский интерес к которой реанимируется на протяжении последних двух десятилетий, но которая ещё не стала частью современного гуманитарного знания» [Манаенко, 2008: 321].

Во многом эта ситуация связана с тем, что для философии А. Ф. Лосева характерна высокая смысловая концентрация, полифонизм суждений, который способствует реализации принципов симфонизма. Сложное многоголосное звучание работы автора связано с выстраиванием внутреннего диалога с различными философскими течениями. И кроме того, следует учитывать время написания работы — это 1923–1927 гг., когда религиозная мысль подвергалась жёсткой критике, поэтому требовалась особая философская рефлексия, чтобы говорить об онтологической проблематике функционирования языка, избегая идейных обвинений, сохраняя верность своим идеям. Вместе с этим автор пытался оградить свою методологию от классической, принятой в логике западноевропейской философии, на что указывает его особое отношение к неокантианству и феноменологии: «Во всяком случае, это те направления мысли, которые целиком входят в мои концепции, и я многому научился бы здесь, если бы не предпочитал

идти совершенно самостоятельным путём. Именно, я должен признаться, что есть такие пункты, по которым мои методы никогда не сойдутся с методами чистой феноменологии или чистого трансцендентализма» [Лосев, 1990: 18].

Обращаясь к работе А. Ф. Лосева «Философия имени», В. И. Постовалова отмечает, что метод этой книги можно было бы даже назвать рефлексивным конструктивизмом [Постовалова, 1990]. Скрупулёзно выстраивая свои выводы, исследователь даёт их подробный рефлексивный анализ, что требует особого внимания к выстраиванию логики авторских суждений.

Язык как символическая форма культуры

В связи с пониманием особой логики авторских суждений возникает необходимость определения исходных оснований концептуальных построений А. Ф. Лосева, открывающих возможность его прочтения. В качестве одного из таких образований мы будем рассматривать его видение языка в контексте формирования культурных смыслов. Стоит отметить, что размышления о языке в его символической ипостаси занимали философа ещё в ранний период его философских исканий. При этом, как отмечает М. В. Морозова, речь шла не просто о некоторой системе знаков, но прежде всего о символе как значимом культурном явлении, ведь в понятиях реализуется именование и познание мира [Морозова, 2014].

Однако следует отметить, что логика понимания языка как символической формы у А. Ф. Лосева отличалась от классических европейских традиций его толкования. Так, например, исследователь высоко оценивал концепцию Э. Кассирера: «Ещё важнее учение Кассирера о “символических формах”, но использовать его я мог только после написания своего труда, так как книги Кассирера вышли на несколько лет позже» [Лосев, 1990: 18]. В учении Э. Кассирера символ выступает образованием, связывающим мир человека и мир культуры, что обуславливается деятельностью сознания, символически оформляющего действительность [Коваленко, 2009]. Знак-символ

у него выступает как результат деятельности сознания, направленного на необходимость, с одной стороны, оформления понимания действительности, что определяет её целостность, а с другой стороны, её создания, что становится актом формирования культуры во всём её многообразии [Ртищева, 2020]. И Э. Кассирер, и А. Ф. Лосев рассматривают культуру как результат такой символической деятельности человека, но если для Э. Кассирера важным остается гносеологический аспект символизации, то для А. Ф. Лосева — это онтологический аспект, который обнаруживается в неразрывной связи символизма и апофатизма, что обуславливает невозможность открытия и выражения высшей реальности.

Для русского философа неприемлемы были и парадоксы Л. Витгенштейна, который в молчании рассматривал преодоление онтологической проблематики, что в конечном итоге привело его к рассмотрению языковых игр, реализующихся в человеческой деятельности [Астахов, Ртищева, 2018]. Напротив, для А. Ф. Лосева глубинная природа языка определяется не отдельными способами его проявления в человеческой деятельности, а его цельными связями с самой жизнью. Поэтому исследователь обращается к языку через понимание семантической концепции имени и слова, в которой отражаются эти глубинные связи, формирующие живое содержание языка: «А то, что имя есть жизнь, что только в слове мы общаемся с людьми и природой, что только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах её проявления, это всё отвергать — значит впадать не только в антисоциальное одиночество, но и вообще в анти-человеческое, в анти-разумное одиночество, в сумасшествие. Человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живёт он в глухонемой действительности. Если слово не действенно и имя не реально, не есть фактор самой действительности, наконец, не есть сама социальная (в широчайшем смысле этого понятия) действительность, тогда существует только тьма и безумие

и копошатся в этой тьме только такие же тёмные и безумные, глухонемые чудовища. Однако мир не таков. И вот рассмотреть его как имя я и дерзаю в этой книге» [Лосев, 1990: 20].

Имя как бытийная данность языка

Обращение к имени как главному языковому образованию для автора знаменует её открытие как категории, представляющей в качестве мифологемы, охватывающей бытие во всей полноте и единстве возможных горизонтов его осуществления. «В имени, — отмечает А. Ф. Лосев, — средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человеческого-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни» [Лосев, 1990: 33]. В связи с этим объект исследования доходит до уровня понимания предельных смыслов реальности в её ономотологическом преломлении сквозь призму имени.

Эти особенности обобщения отражаются уже в структуре работы А. Ф. Лосева «Философия имени». Автор отказывается от традиционной логики рассмотрения изучаемых явлений от субъекта к объекту. В первом разделе язык рассматривается прежде всего не в отношении к человеческому субъекту, а в отношении к его собственно-онтологической данности. Поэтому психологические аспекты понимания языка, связанные с обращением к субъекту, преодолеваются через обращение к имени в аспекте постановки онтологической проблематики: «Если психология мышления хочет стать действительно критической наукой о фактах, а не догматическим мечтательством об абстракциях; если она (действительно) хочет отказаться от пошлости обывательского мировоззрения ходячего “научного” и ненаучного сознания, — ей необходимо предварительно использовать возможно более обстоятельный анализ имени и слова» [Лосев, 1990: 33]. Обращение к имени с целью установления подлинного понимания жизни

позволяет автору оказаться от личности как первичного источника воплощения языка. Недостаточность психологического, конвенционального и др. способов определения языковых вопросов, приводит А. Ф. Лосева к рассмотрению именованного как внутреннего стержня самого бытия. И в этом отношении А. И. Резниченко справедливо отмечает, что «философ фиксирует своё внимание на единственно, с его точки зрения, значимом аспекте слова — ноэтической, области чистого значения, — значимом как начало, отправная точка, но не конец анализа» [Резниченко, 2012: 61].

Обращаясь в первой части книги к анализу до-предметной структуры имени, автор отмечает, что первичным является движение от внутреннего бытийного смысла: «Существует только смысл и больше ничего» [Лосев, 1990: 89]. Смысл обладает бытийным содержанием, которое поддерживается внутренней жизнью, а инобытие указывает на его границы. Возникает вопрос, как открывается этот самодостаточный смысл человеку? По выражению Е. А. Чагинской, сущность являет себя человеку как «*умопостижаемоданный*» смысл [Чагинская, 2009: 269].

В этом открытии происходит поступательное развитие от всего мейонального к экстатической свободе проявления смысла в имени и знании. Соответственно слово, по мнению автора, развивается в корреляции с определёнными ступенями самоопределения смысла: «На каждой из них слово обладает особой природой. На первой оно — неживая вещь, на второй — органическое семя, в конце — умное и сверх-умное имя. Между началом и концом — “нормально-человеческое” слово...» [Лосев, 1990: 92]. Человеческое слово в концепции А. Ф. Лосева занимает промежуточное положение на ономатической лестнице, соединяющей уровень физической и уровень сверхразумной данности. И в этом положении слово развивается благодаря действию энергемы (энергии сущности, смысловой энергии и др.), которую мы можем соотнести с эманацией, процессом продвижения от первосущности к первозданной сущности. Поэтому, как отмечает А. И. Резниченко,

«через понятие энергемы становится возможным конструирование зафиксированного в имени, иерархически организованного мироздания...» [Резниченко, 2012: 63].

В этом процессе самовыражения сущности завершающим моментом становится имя как явленная сущность, её своеобразный «клик». Таким образом в этих суждениях концепция А. Ф. Лосева — это открытие богочеловекокосмической реальности.

Слово как жизненная интенция языка

Подобно тому как имя представляется исследователю в качестве смысловой энергии сущности, в имяславии Имя Божие — энергия сущности Божией. Имя Божие есть Бог, но Бог не есть Имя. В суждениях А. Лосева имя вещи есть вещь, но вещь сама по себе не есть имя. Такое универсальное осуществление имени оказывается возможным, по замечанию Т. Оболевич, благодаря его символической энергии [Оболевич, 2014]. Эти тезисы связаны с построением второй части книги, в которой реализуется встречное движение уже от сущности к её проявлениям. «В предметной сущности имени — последнее оправдание и опора всех качеств, свойств и судеб произносимого слова. То, что казалось несвязанным или необоснованным в слове как в арене встречи “двух” энергий, в слове как орудии общения, то самое должно найти свое полное подкрепление и оправдание в предметной сущности слова как в такой. Мы уже говорили о характере связи предметной сущности имени как такой со словом как с ареной встречи. Мы говорили, что эта связь — косвенная. Однако на ней и основываются все судьбы живого слова» [Лосев, 1990: 92]. Слово становится живым, если оно становится самой реальностью, в которой живёт человек, и его «символическая проявленность является именно способом воплощения смысла в для-себя-бытии» [Морозова, 2014: 129].

Однако эта реальность не является единообразной, она отражает различные степени жизненности. Об этом автор пишет: «Мир — совокупность разных степеней жизненности или затверделости слова. Все

живёт словом и свидетельствует о нём» [Лосев, 1990: 153]. Живое и затвердевшее слово соответствующим различным степеням жизненности:

- на высшем уровне реализуется сверхразумное имя как нозетическая энергема;

- на низшем уровне реализуется слово как явление физическое, лишённое своего оформления и осмысления, — это «обездушенное» слово, но всё же хранящее в себе природу живого имени.

Модификаций и способов переходов и взаимодействий этих уровней огромное количество. Философ выстраивает общую логику согласования в слове различных энергем, соответствующим формам активности проявления слова:

- физическая энергема, реализующаяся на уровне звука,

- органическая энергема, проявляющаяся в органическом звуке,

- сенсуальная энергема — выразительное движение звука,

- перцептивно-нозетическая энергема — звуковое выражение первично осознаваемой действительности,

- нозма в связи с имажинативно-нозетической энергемой — образ звука,

- нозма в переходе к идее — осознание образа звука.

В совокупности эти модификации порождают «нормальное» человеческое слово, обладающее соответствующими индивидуальными и культурными смыслами. «Таково “нормальное” и обыденное человеческое слово, не заходящее выше нозетической энергемы, ибо не только гипер-нозетическая, но уже и чистая нозетическая энергема привела бы к исчезновению звука в слове, и слово превратилось бы в умное имя, непроизносимое, но лишь выразимое умно же. Но зато все низшие энергемы целиком присутствуют в самом обыкновенном человеческом субъекте и человеческом слове» [Лосев, 1990: 169]. В конечном итоге невозможно вычленивать весь спектр живого слова, имени и соответственно бытия, но если сводить этот перечень к обобщению, то неизбежным становится появление абстрактных форм. «И нельзя к столь живому нерву

реального опыта, как слово или имя, — пишет автор, — подходить с теми или иными абстрактными методами» [Лосев, 1990: 20].

Язык в мифологическом контексте культуры

Преодоление абстрактных форм суждения является возможным в контексте понимания характера осуществления языка как динамического образования, которое невозможно свести к однозначному толкованию. «Для А. Ф. Лосева важно за символами и знаками “открыть” непосредственную полноту жизни, которая благодаря этому должна получить новую и подлинную форму» [Коваленко, 2009: 20]. Таким образом формируется подход к объяснению языка сквозь призму культуры, в которой осуществляется связь всеобщего и единичного. На эту особенность культуры обращал внимание А. Ф. Лосев, рассуждая о соотношении «общего и частного или общего и единичного» [Лосев, 1988: 218]. Как отмечал А. Л. Доброхотов: «Здесь “предельная общность” культуры соотносена с взаимосвязью общего и единичного. За этой внешне простой и для того времени идеологически-корректной схемой стоит принципиальное для Лосева понимание культуры как лестницы нисхождения абсолютного в инобытие и восхождения индивидуального к Абсолюту. Каждая ступень этой иерархии полагается своим особым типом отношения с высшим и низшим уровнями, что и создаёт её — этой ступени — особую, собственную смысловую форму» [Доброхотов, 2008: 328].

Рассматривая развитие языка в корреляции с пониманием культуры, отчётливо обозначается логика А. Ф. Лосева, с одной стороны, восхождения к Абсолюту в понимании имени, с другой стороны, нисхождения к слову с учётом его подвижного жизненного содержания. На эту особенность обращает внимание Л. А. Гоготишвили, отмечая, что в лосевской концепции представлены два языка различного онтологического статуса. К первому уровню можно отнести чистые смыслы эйдосов, ко второму — чувственную конкретику естественного общения [Гоготишвили, 1999: 684].

Способом интеграции этих направлений развития языка является миф, который представляется как живая действительность, реальное явление сущего, которое закрепляется в имени. При этом вопрос трансформации мифа при рассмотрении его относительно различных уровней языка, согласно Л. А. Гоготишвили, — это одна из самых сложных проблем [Гоготишвили, 1999: 689]. А. Ф. Лосев отмечает, что «в основе каждой культуры лежат те или другие мифы, разработкой и проведением которых в жизнь и является каждая данная культура» [Лосев, 1990: 195]. Таким образом, миф в его исследованиях — это не фантазия и вымысел, а культурный опыт, зафиксированный в имени. Автор пишет: «Для меня миф — выражение наиболее цельное и формулировка наиболее разносторонняя — того мира, который открывается людям и культуре, исповедующим ту или иную мифологию» [Лосев, 1990: 195]. Соответственно миф выступает как наиболее полное осознание действительности со всеми возможными способами её проявления, и в каждый период развития культуры формируется своя мифология. «И мы её любим, лелеем, мы за неё проливали и будем проливать нашу живую и тёплую кровь», — отмечает исследователь [Лосев, 1990: 196].

В мифе проявляются «самые разнообразные символические связи и смыслы», которыми он пронизывается и освещается, что позволяет смотреть на вещи не просто с точки зрения понимания её фактической смысловой структуры, а сквозь призму живых отношений, формирующихся в самой культуре, связанной с личностью. «Поэтому миф есть *личность*, и личность — миф. Всякая личность — миф. И мифология есть наука и знание о мире как личности и личностях и о его истории как личной судьбе одной, определённой или многих личностей», — пишет автор, акцентируя внимания на том, что необходимо преодолевать понимание фактической смысловой структуры вещей, их имя позволяет выйти за пределы фактической данности и через язык представить мифологическую картину, в которую включён человек и культура [Лосев, 1990: 196]. В связи с этим миф представляется как онто-гносеологическая

категория, указывающая на способность человека формировать картину мира в его бытийном статусе. «Это он и называет абсолютной мифологией — неисчерпаемой полнотой смысла. — справедливо замечает И. В. Гравина. — Познание субъекта обусловлено внешним ему смыслом через отождествление с ним и порождение мифов о нём» [Гравина, 2023: 67].

Заключение

В книге «Философия имени» А. Ф. Лосев представил логику конструирования слова и имени в контексте живой реальности, целостность которой во многом определяется свойством культуры, включающей в себя повседневные и абсолютные смыслы. Такая многомерная наполненность слова позволяет сделать автору вывод: «Выше слова нет на земле вещи более осмысленной. Дойти до слова и значит дойти до смысла» [Лосев, 1990: 161]. Чтобы представить слово во всей полноте связей и отношений исследователь обращается к онтологической проблематике, позволяющей преодолеть эмпирический подход к объяснению структур подлинного общения. Таким образом осуществляется нагнетание множества уровней понимания языка в контексте его мифологической данности в культуре, способной интегрировать в себе всю совокупность смыслов и значений, и связанных с человеком, и не связанных. Эти установки были обозначены автором ещё во вступительных замечаниях книги: «В слове и имени — встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия... В имени — средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер» [Лосев, 1990: 33]. При этом онтология языка определяется его наполненностью не только человеческим разумным, но и неразумным бытием и жизнью, что указывает на всеобщность имени, конструирование которого — сверхзадача исследователя.

Одним из главных принципов такого конструирования имени становится его особое онтологическое представление, базирующееся на органических связях мифа и культуры, осмысленная выраженность

которых осуществляется в языке. Фактически в этих суждениях принцип онтологизма доходит до уровня связи бытия и мышления. При этом Л. А. Клюкина уточняет: «Согласно мысли Лосева, мир и человек могут пониматься как целостность, только если мышление опирается на принцип идеальной цельности, когда и мир, и человек

рассматриваются как объекты, принадлежащие одному онтологическому классу» [Клюкина, 2009: 337]. Такое онтологическое всеединство позволяет А. Ф. Лосеву интегрировать представления о человеке и мире в контексте установления всеобщих отношений, целостность которых реализуется в живом пространстве культуры.

Список литературы:

- Астахов О. Ю., Ртищева О. В. Языковая рефлексия мира в философии Людвиг Витгенштейна // Идеи и идеалы. — 2018. — Т. 1, № 1. — С. 132–141. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-132-141>
- Гоготшивили Л. А. Лосевская концепция предикативности // Личность и Абсолют / А. Ф. Лосев. — Москва: Мысль, 1999. — С. 684–701.
- Гравина И. В. Проблема интерпретаций: А. Ф. Лосев в контексте постметафизической теологии // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 490. — С. 74–80. <https://doi.org/10.17223/15617793/490/8>
- Доброхотов А. Л. А. Ф. Лосев — философ культуры // Избранное. — Москва: Территория будущего, 2008. — С. 326–336.
- Клюкина Л. А. Концепция символа А. Ф. Лосева как альтернатива классической рациональности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. — 2009. — № 2. — С. 335–340.
- Коваленко Е. М. Культура как символическое выражение действительности в философии культуры Э. Кассирера и А. Ф. Лосева // Гуманитарные и социальные науки. — 2009. — № 1. — С. 17–23.
- Лосев А. Ф. Философия культуры // Дерзание духа. — Москва: Политиздат, 1988. — С. 218–220.
- Лосев А. Ф. Философия имени. — Москва: Изд-во Моск. Ун-та, 1990. — 269 с.
- Постовалова В. И. Послесловие // Философия имени / А. Ф. Лосев. — Москва: Изд-во Моск. Ун-та, 1990. — С. 228–258.
- Манаенко Г. Н. Метапоэтический дискурс ученого: «Философия имени» А. Ф. Лосева // Textus — 2008. — № 12-1. — С. 321–327.
- Морозова М. В. Проблема символа в философии А. Ф. Лосева // Соловьёвские исследования. — 2014. — № 1. — С. 119–131.
- Оболевич Т. От имяславия к эстетике: Концепция символа Алексея Лосева: историко-философское исследование. — Москва: Изд-во ББИ, 2014. — 443 с.
- Резниченко А. И. О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. — Москва: Regnum, 2012. — 415 с.
- Ртищева О. В. Гносеологические принципы взаимосвязи языка и культуры в философии Эрнста Кассирера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2020. — № 52. — С. 37–43. <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-52-37-43>
- Силантьева М. В. Религиозно-аксиологическая проблематика в условиях современных кризисов // Государство. Общество. Церковь. — Владимир: Аркаим, 2020. — С. 178–185.
- Чагинская Е. А. Семантическая структура слова в традиционной лингвистике и в концепции А. Ф. Лосева: опыт поиска соответствий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2009. — № 2. — С. 265–272.

References:

- Astakhov, O. and Rtischeva, O. (2018) 'Language reflection of the World in philosophy of Ludwig Wittgenstein', *Ideas and Ideals*, 1(1), pp. 132–141. (In Russian). <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-132-141>
- Chaguinskaya, E. A. (2009) 'Word Semantic Structure in Traditional Linguistics and in A. F. Losev's Conception: Experience of Correspondence Search', *Philological sciences. Issues of theory and practice*, (2), pp. 265–272. (In Russian).
- Dobrokhoto, A. L. (2008) 'A. F. Losev — filosof kul'tury [A. F. Losev — philosopher of culture]', in *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Territorija budushhego Publ., pp. 326–336. (In Russian).
- Gogotishvili, L. A. (1999) 'Losevskaja koncepcija predikativnosti [Losev's concept of predicativity]', in A. F. Losev *Lichnost' i Absolut* [Personality and Absolute]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 684–701. (In Russian).
- Gravina, I. V. (2023) 'The problem of interpretations: Aleksei Losev in the context of postmetaphysical theology', *Tomsk State University Journal*, (490), pp. 74–80. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/490/8>
- Klyukina, L. A. (2009) 'A. F. Losev's Concept of Symbol as an Alternative to the Classical Rationality', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6, Filosofiya, kul'turologiya, politologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya*, (2), pp. 335–340. (In Russian).
- Kovalenko, E. M. (2009) 'Kul'tura kak simvolicheskoe vyrazhenie dejstvitel'nostiv filosofii kul'tury Je. Kassiera i A. F. Loseva [Culture as a symbolic expression of reality in the philosophy of culture by E. Cassirer and A. F. Losev]', *The Humanities and social sciences*, (1), pp. 17–23. (In Russian).
- Losev, A. F. (1988) 'Filosofija kul'tury [Philosophy of Culture]', in *Derzanie duha* [Daring of the Spirit]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 218–220. (In Russian).
- Losev, A. F. (1990) *Filosofija imeni* [Philosophy of name]. Moscow: MSU University Publ. (In Russian).
- Manajenko, G. N. (2008) 'Metapojeticheskij diskurs uchenogo: «Filosofija imeni» A. F. Loseva [Metapoetic discourse of a scientist: "Philosophy of name" by A. F. Losev]', *Textus*, (12–1), pp. 321–327. (In Russian).
- Morozova, M. V. (2014) 'The problem of symbol in philosophy of A. F. Losev in Connection with Definition of Concept of Symbolical Relevance', *Solov'evskie issledovaniya*, (1), pp. 119–131. (In Russian).
- Obolevitch, T. (2011) *Od onomatodoksji do estetyki*. Krakow: wyd-wo WAM. (Russ. ed.: (2014) *Ot imjaslavija k jestetike. Koncepcija simvola Alekseja Loseva: istoriko-filosofskoe issledovanie*. Moscow: Izd-vo BBK Publ.).
- Postovalova, V. I. (1990) 'Poslesloviye [Afterword]', in A. F. Losev *Filosofija imeni* [Philosophy of name]. Moscow: MSU University Publ., pp. 228–258. (In Russian).
- Reznichenko, A. I. (2012) *O smyslah imen: Bulgakov, Losev, Florenskij, Frank et dii minores* [On the meanings of names: Bulgakov, Losev, Florensky, Frank et dii minores]. Moscow: Regnum Publ. (In Russian).
- Rtishheva, O. V. (2020) 'Epistemological Principles of the Relationship between Language and Culture in the Philosophy of Ernst Cassirer', *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, (52), pp. 37–43. (In Russian). <https://doi.org/10.31773/2078-1768-2020-52-37-43>
- Silantieva, M. V. (2020) 'Religious and Axiological Problems in Modern Crises', in *Gosudarstvo. Obshchestvo. Cerkov'* [State. Society. Church]. Vladimir: Arkaim Publ., pp. 178–185. (In Russian).

Информация об авторах

Олег Юрьевич Астахов — доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии, философии и искусствоведения Кемеровского государственного института культуры, РФ, 650056, Кемерово, ул. Ворошилова, 17. (Россия)

Оксана Владимировна Ртищева — кандидат философских наук, доцент, декан социально-гуманитарного факультета Кемеровского государственного института культуры, РФ, 650056, Кемерово, ул. Ворошилова, 17. (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Oleg Yu. Astakhov — Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Philosophy and Art History, Kemerovo State Institute of Culture, 17, Voroshilova St. Kemerovo, Russia, 650056 (Russia)

Oksana V. Rtishcheva — PhD in Philosophy, Associate Professor, Dean of the Social and Humanitarian Faculty, Kemerovo State Institute of Culture, 17, Voroshilova St. Kemerovo, Russia, 650056 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 05.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 05.03.2025.

The article was submitted 05.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 05.03.2025.